

О соотношении юридической ответственности и правовой ответственности: социально-правовой аспект

© Е. А. Куликов

Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме широкой трактовки понятия «правовая ответственность». Исходя из существующего в теории права плюрализма подходов к правопониманию, а также в целом омонимичности слова «право», предлагается различать понятия и явления «юридическая ответственность» и «правовая ответственность». Первое обозначает ответственность, предусмотренную нормами позитивного права, то есть установленную или санкционированную государством. Второе, наряду с ответственностью, предусмотренной позитивным правом, охватывает ответственность, предусмотренную нормами обычного права, корпоративного права и религиозного (канонического, мусульманского, иудейского, индуистского) права. Автор обосновывает позицию, согласно которой предусмотренные указанными регуляторами виды ответственности имеют общие черты с юридической ответственностью, предусмотренной позитивным правом, что позволяет объединить их под родовым понятием «правовая ответственность», и выделить в силу их специфики, в рамках видов социальной ответственности в особую группу. В частности, к таким общим чертам можно отнести формальную определенность, писанный характер, продуманность и регламентированность процедуры возложения, наличие специально уполномоченных на применение ответственности соответствующими организациями или общинами лиц или органов управления. Помимо плюрализма в определении понятия права, автор также исходит из неуниверсальности позитивного права как ведущего социального регулятора.

Ключевые слова: ответственность, позитивное право, обычное право, корпоративное право, каноническое право, мусульманское право

Для цитирования: Куликов Е. А. О соотношении юридической ответственности и правовой ответственности: социально-правовой аспект // *Социальная компетентность*. 2022. Т. 7. № 4. С. 261–270.

On the correlation of legal responsibility and legal responsibility: socio-legal aspect

© Egor A. Kulikov

Altai State University,
Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of a broad interpretation of the concept of “legal responsibility”. Based on the pluralism of approaches to legal understanding existing in the theory of law, as well as the homonymy of the word “law” in general, it is proposed to distinguish between the concepts and phenomena of “legal responsibility” and “legal responsibility”. The first refers to the responsibility provided for by the norms of positive law, that is, established or sanctioned by the State. The second, along with the responsibility provided for by positive law, covers the responsibility provided for by the norms of customary law, corporate law and religious (canonical, Muslim, Jewish, Hindu) law. The author substantiates the position according to which the types of liability provided for by these regulators have common features with the legal liability provided for by positive law, which allows them to be combined under the generic concept of “legal liability”, and to distinguish them by virtue of their specificity, within the framework of types of social responsibility into a special group. In particular, such general features include formal certainty, written character, thoughtfulness and regularity of the imposition procedure, the presence of persons or governing bodies specially authorized to apply responsibility by relevant organizations or communities. In addition to pluralism in the definition of the concept of law, the author also proceeds from the non-universality of positive law as a leading social regulator.

Keywords: responsibility, positive law, customary law, corporate law, canon law, Muslim law

For citation: Kulikov E. A. (2022) On the correlation of legal responsibility and legal responsibility: socio-legal aspect. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. Vol. 7. No. 4. P. 261-270. (In Russ.).

Позитивное право – не единственный и далеко не главный регулятор общественных отношений. Как пишет, обосновывая неуниверсальность права, Синха Сурия Пракаш, «вполне возможно выделить наиболее фундаментальный принцип жизни каждой цивилизации и, следовательно, самый центральный принцип ее социальной организации, можно сказать, что для западной цивилизации таким принципом является право, но этого нельзя сказать о других цивилизациях, это объясняет, почему большинство... теорий права появилось на почве западной культуры, а не китайской, индийской, японской или африканской культур, это произошло не из-за того, что право означает какое-либо превосходство в области духовных или интеллектуальных достижений, или из-за некоего культурного превосходства Запада,... но потому, что право и его институты играли центральную роль в специфической исторической действительности Запада, в то время как в других обществах эта роль принадлежала другим принципам» (Синха, 1996. С. 10–11). Соответственно, можно предположить, во-первых, что наряду с юридической существуют и другие виды ответственности, имеющие аналогичную природу и свойства. В силу того, что позитивное право неуниверсально и представляет собой не более чем продукт одной только западной цивилизации, предусмотренная этим правом ответственность определенно не единственная в своем роде. В связи с этим, во-вторых, предположим, что можно выделить ряд видов ответственности, близких к юридической, предусмотренных не позитивным правом, а однопорядковыми с ним регуляторами, и в силу этого имеющих определенную родственную специфику, позволяющую объединить их понятием «правовая ответственность» в максимально широком смысле.

Главный вопрос заключается в том, где проходит грань между юридической и неюридическими видами ответственности, а также в том, что может составить объём понятия ответственности правовой. Ответом здесь может служить общее определение

ответственности и понятие социальной ответственности. «Ответственность» не является собственно юридическим понятием, она – продукт социальной культуры в целом, выходит далеко за пределы юридической сферы общественной жизни. Проводя анализ философских представлений об ответственности, М. И. Пантыкина отмечает, в частности, следующее: «В современной теории права в равной степени развиваются и тенденция юридизации, и гуманистическое направление понимания ответственности. Если второе направление имеет глубинные основания в философии права, то юридизация является «идейным заказом» юридического позитивизма. При этом преодоление их «параллельности» является одной из задач теории юридической ответственности» (Пантыкина, 2017. С. 53). Думается, что как раз использование конструкта «правовая ответственность» позволит снизить юридизацию понятия ответственности и выделить схожие с ответственностью, предусмотренной позитивным правом, разновидности ответственности как равноправные инструменты воздействия на социум. Необходимо, однако, рассмотреть общие, универсальные подходы к понятию ответственности в философии.

«Ответственность – это отношение зависимости человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему. Объектом ответственности могут быть другие люди, в т. ч. будущие поколения, общности, а также животные, окружающая среда, материальные, социальные и духовные ценности и т. д. В праве объектом ответственности является закон» (Степин, 2010. С. 171–172). «Ответственность, – говорится в философском словаре, – категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу (человечеству в целом), которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм. Категория ответственности обнимает философско-со-

циологическую проблему меры способности и возможности человека в качестве субъекта (творца) своих действий и более конкретные вопросы: способность человека сознательно (намеренно, добровольно) выполнять определенные требования и осуществлять стоящие перед ним задачи; совершать правильный выбор; достигать определенного результата, а также связанные с этим вопросы правоты или виновности человека, возможности одобрения или осуждения его поступков, вознаграждения или наказания» (Розенталь, Юдин, 1968. С. 263). Наконец, Новейший философский словарь предлагает такую трактовку ответственности: «Ответственность – понятие, характеризующее способность и возможность человека выступать полноправным субъектом собственного поведения – сознательно и добровольно выполнять нравственные и правовые требования и осуществлять стоящие перед ним задачи. Эта способность проявляется в совершении правильного морального и правового выбора и достижения результата, которые оцениваются моральным и правовым сознанием с т. з. одобрения и признания правоты или, наоборот, осуждения и установления вины человека» (Кондрашов, 2008. С. 442.). Как видим, с философских позиций ответственность рассматривается как некое отношение, выражающее зависимость человека от определенной ценности, которая побуждает его на совершение действий, направленных на сохранение или иное содействие этой ценности, кроме того, в понятие ответственности включают и указание на последствия совершения того или иного поступка.

Философы говорят также о метафизическом, экзистенциальном понимании ответственности, рассматривая её с возвышенных, эсхатологических позиций, когда человек выступает как субъект ответственности не только за себя, но и за ближнего, за все человечество, соизмеряя свои поступки с неким Абсолютом, важное значение при этом придается внутренним переживаниям – чувству вины, долга, совести и т. п. Надо сказать, что подобная трактовка ответвен-

ности известна и ученым-юристам, так В. В. Сорокин отмечает, что «в идеале правовой институт юридической ответственности должен ориентироваться на внутренний мир человека, в сферы ума, воли, чувства, человеческого достоинства и чести» (Сорокин, 2018. С. 127–128). Вторым направлением в трактовке искомого понятия можно считать прикладное понимание феномена ответственности, при котором он рассматривается в контексте определенных социальных, групповых и межличностных отношений человека и в соотношении с вырабатываемыми в рамках этих отношений стандартами поведения, критериями оценки (осуждения и одобрения) и санкции (награды и наказания). Ответственность здесь не ожидается от личности, но вменяется ей, независимо от того, считает ли она себя свободной, или нет. Таким образом, ответственность как философская категория имеет двоякое содержание, позитивный и негативный аспект, и, в зависимости от отношения или от поведения по отношению к ценности, выступающей объектом ответственности, вступают в действие позитивные или негативные санкции.

Как отмечает Н. В. Витрук, сущностные характеристики феномена ответственности генетически определяются экономическими, политическими, культурными и иными зависимостями, складывающимися естественно-исторически в процессе производственной, духовной и иной деятельности человека, в процессе становления и развития системы общественных отношений (Витрук, 2009. С. 11). Этим подчеркивается категориальная природа термина «ответственность», его универсальность и органичность влечения в общественную жизнь.

По мнению Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского, как ответственность личности, так и ответственность общества и государства, имеют социальную природу, она предопределена общественным характером отношений, особенностями личности, её местом в системе, особенностями самого общества (Хачатуров, Липинский, 2007. С. 16). Н. В. Витрук также указывает, что взаимоотно-

шения между субъектами общественных отношений и обществом, с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований через социальные нормы, находят выражение в категории социальной ответственности, последняя выполняет важную функцию регулятора общественных отношений, контроля поведения людей, а значение социальной ответственности заключается в обеспечении такого поведения людей, членов общества, которое соответствует интересам, выраженным в требованиях социальных норм (Витрук, 2009. С. 13). Категория ответственности, таким образом, в обществе, в общественных отношениях, в общественном взаимодействии проявляется в феномене социальной ответственности. Этот феномен, играя роль промежуточного звена между ответственностью вообще и ответственностью правовой, заслуживает, в рамках настоящей статьи, особого рассмотрения.

Е. В. Родионова отмечает, что социальная ответственность как глубинный, нединамичный слой подсознания по объему шире правовой ответственности, и носит основополагающий и определяющий для правовых феноменов сферы духовного мира человека, общества характер (Родионова, 2011. С. 9). Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский дают следующее определение социальной ответственности: «это диалектическая взаимосвязь между личностью и обществом, характеризующаяся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнение, влекущее одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, – обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание» (Хачатуров, Липинский, 2007. С. 24). В этом определении, по мнению его авторов, отражаются две формы реализации объективно единой социальной ответственности. Е. В. Родионова также предлагает определение социальной ответственности: «социальная ответственность – взаимодействие (как поощрение, так и лишение) общества и его

представителей, основанное на правах и обязанностях по соблюдению социальных норм при условии возможности осознания последствий совершаемых ими социально значимых поступков» (Родионова, 2011. С. 49). Данное определение также как и предыдущее, сочетает в себе как позитивный, так и негативный аспекты ответственности и обусловленную ими реакцию социума.

Несколько иной подход к определению социальной ответственности предлагает, например, Н. И. Матузов. Он указывает, в частности, что «Под социальной ответственностью понимается объективная необходимость отвечать за нарушение социальных норм... Социальные нормы – это указатели границ должного и возможного. Если поведение индивида выходит за грань дозволенного, то наступает тот или иной вид социальной ответственности, нарушитель осуждается или даже наказывается. Если же гражданин совершает общественно полезные, одобряемые действия, то он поощряется, поддерживается, а за наиболее выдающиеся поступки даже награждается, ставится в пример» (Матузов, 2003). Ученый, таким образом, различает действие в соответствии с социальными нормами, и социальную ответственность, придавая последней только негативный ретроспективный смысл. Можно констатировать отсутствие в юридической науке единообразного понимания социальной ответственности как более общего по отношению к ответственности юридической понятия.

Рассмотрим теперь проблему классификации социальной ответственности. Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский отмечают, что сколько существует видов социальных норм в обществе, столько имеет место быть и видов социальной ответственности (Хачатуров, Липинский, 2007. С. 26). Н. В. Витрук дополняет это положение тезисом о том, что обособление видов социальной ответственности зависит от сферы социальной деятельности человека и вида соответствующих социальных норм. Традиционно в государственно организованном обществе, по мнению ученого, выделяют

моральную, политическую, общественно-уставную и юридическую ответственность (Витрук, 2009. С. 14).

Н. В. Витрук дает и определения указанным видам социальной ответственности. Так, моральная ответственность, по его мнению, выражает осознание личностью и реальное выполнение ею требований моральных норм, а также наступление морального осуждения в случае игнорирования этических требований. Политическая ответственность означает осознание необходимости выполнения требований, вытекающих из политических норм, а также осуждение за их невыполнение либо ненадлежащее исполнение в силу некомпетентности, преследования узкокорыстных, узкоэгоистических интересов, и т. п. Общественно-уставная ответственность членов общественных объединений выражается в осознании необходимости исполнения корпоративных уставных правил (требований), в наступлении тех негативных последствий, которые предусмотрены за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение (Витрук, 2009. С. 14–15.). Наконец, ответственность, которая неразрывно связана с появлением в обществе норм права, закрепленных в законах, представляет собой особую разновидность социальной ответственности, получившую название правовой (юридической) ответственности. Она прежде всего означает осознание субъектом необходимости исполнения требований правовых норм, а также наступление негативных последствий за их неисполнение (Витрук, 2009. С. 15–16).

Думается, что с Н. В. Витруком не в полной мере можно согласиться в построении им системы видов ответственности, в зависимости от того или иного социального регулятора. Так, безусловно, позитивное право, исходящее от государства, дает нам юридическую ответственность как цельно взаимосвязанный с данным регулятором феномен, в своем негативном аспекте обеспечивающий его функционирование угрозой принуждения, а в позитивном – обещанием одобрения или награды. Этот вид ответственности, кроме того, тесно взаимосвя-

зан с таким социальным образованием, как государство, которое и осуществляет реализацию юридической ответственности в той или иной форме. Однако государство – не единственный субъект, применяющий меры поощрения или взыскания. Общество в целом, используя и опираясь на такой социальный регулятор, как мораль (не вдаваясь в «философский спор об именах», будем иметь в виду здесь абстрактную общественную мораль, как набор универсальных констант о добре и зле, известных, по общему правилу, всем), применяет моральную ответственность, за добро, воздавая одобрением и поддержкой, за зло же – общественным порицанием. Между юридической и моральной ответственностью больше различий, нежели общего: это два разноприродных, разнопорядковых и разноточностных, но тесно сосуществующих и взаимодействующих феномена. Специфической чертой моральной ответственности, думается, признать её всеобщий абстрактный характер и не меньшую абстрактность субъекта – общество. Это как раз выделяет моральную ответственность среди других видов ответственности.

Исходя из обозначенного размежевания моральной ответственности как абстрактного инструмента в руках абстрактного субъекта, попытаемся выделить ещё ряд видов ответственности. Во-первых, учитывая существование и функционирование по сегодняшний день такого социального регулятора, как обычай, и свода этих обычаев – обычного права, думается, что можно вести речь об *обычно-правовой ответственности*, наряду с юридической и моральной ответственностями. Абстрагируясь от международно-правовой сферы (хотя и там можно рассуждать аналогичным образом), за обычно-правовой ответственностью и базовым её фундаментом – обычным правом следует признать вполне конкретный характер, а также конкретного субъекта (поскольку обычай и обычное право национальны). Можно вести речь и о некоторой формальной определенности обычно-правовой ответственности. Не вдаваясь пока в полемику по поводу

обозначенного вида ответственности, отметим, что он имеет право на существование наряду с юридической и моральной ответственностью. «В целом запреты и система наказаний за их нарушение, – отмечается в литературе по поводу ответственности в обычном праве, – позволяют сохранять хорошие отношения среди людей, вести размеренный ритм и образ жизни; при этом формируют бережное отношение к окружающей среде, сохраняют жизнь и здоровье человека. Запреты, поверья и традиционная система наказания заслуживают пристального внимания как часть духовной культуры, источник информации о мировоззрении народа» (Малько, 2014. С. 261).

Во-вторых, аналогичные основания имеет под собой утверждение о *корпоративно-правовой ответственности*. Базовым регулятором будут выступать корпоративные нормы, природа которых сходна природе обычно-правовых норм, однако субъектами корпоративно-правовой ответственности будут выступать определенные корпорации людей (как правило, объединенных по профессиональному признаку). В своё время цеховое право имело большое регулятивное значение в Средневековой Европе, обратившись затем в право городское, на долгое время составлявшее полноценную правовую систему. Да и на сегодняшний день корпоративные нормы многих образований, особенно тайного характера, имеют для их адептов куда большее значение, нежели нормы позитивного права. И почему бы не считать систему личных взаимоотношений, негласных, но общепринятых правил в той или иной организации, как своего рода свод корпоративного права: для работников, мыслящих себя частью такого коллектива, они часто превосходят закон. Между прочим, на сегодняшний день стали появляться обстоятельные работы по корпоративной социальной ответственности, что также говорит в пользу значимости этого феномена (Никитина, 2005).

А. И. Ковлер приводит интересную цитату из изречений Мао Цзэдуна, подчеркивающую значимость корпоративного (общинно-

го) единства и корпоративной солидарности, следования ритуалу («ли») по сравнению с позитивным правом. «Великому кормчему» принадлежат следующие слова: «Мы не можем управлять массами посредством права. Никто не в состоянии помнить всего, что написано в гражданском или уголовном праве. Я участвовал в составлении Конституции, но с трудом вспоминаю ее положения. Ханьфэй мечтал об управлении через право. Конфуций – об управлении людьми. В конце концов мы не должны ломать голову над актами и инструкциями, 90 % которых являются порождением различных ведомств. Мы контролируем общество скорее благодаря решениям собраний народных представителей, созываемых четырежды в год, чем благодаря гражданскому или уголовному праву» (Ковлер, 2002. С. 212). Нелишне вспомнить и слова самого Конфуция, который говорил, что «когда правитель любит ритуал, никто в народе не осмелится быть непочтительным; когда правитель любит справедливость, никто в народе не осмелится быть непослушным; когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным» (Конфуций, 2011. С. 82). Китайская культура и идеология, таким образом, дает образцы представлений о существовании и действии совершенного иного, чем позитивное право, регулятора – ритуала (корпоративных норм) с собственным механизмом ответственности.

В третьих, можно вести речь о *каноническо-правовой (религиозно-правовой) ответственности*. Оговоримся сразу, что это условное понятие, обозначающее ответственность по религиозному праву. Нормативными системами в данном случае будут выступать каноническое право христианских церквей (католической, православной, григорианской), которые признают канонические сборники права (например, Каноны: Книга правил – в православной церкви – постановления апостолов, вселенских (семь) и поместных (девять) соборов, а также установления святых отцов церкви, или Кодекс канонического права, утверждённый папой Иоанном Павлом II), а также мусульманское

право, иудейское право, индуское право, каждая из которых основана на собственной системе «канонов» – правил, предписаний, наставлений, и предусматривают санкции за их нарушение. Вот например как гласит Шестое Апостольское правило: «Епископ или пресвитер, или диакон да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина» (Каноны, 2000. С. 13). Можно увидеть классическую структуру нормы-предписания: в первой части описывается юридический факт, во второй – правовые последствия его наступления.

Применительно, например, к регулятивной системе индийского общества Н. А. Крашенинникова отмечает, что «все стороны жизни в таком обществе регулируются строжайше разработанными этико-кастовыми нормами, традиционными правилами, различными для разных социальных групп и ашрам (стадий жизни), выполнение которых приносит человеку религиозную заслугу, а нарушение ведет к религиозной и социальной деградации» (Крашенинникова, 2013. С. 13). Применительно к мусульманскому праву хорошо показывает очень похожий на правовой характер такого действия как молитва Л. С. Ван ден Берг: «Впрочем, молитва у мусульман не есть выражение религиозного чувства, беседа и стремление найти утешение у Творца, как в христианском богословии, а составляет обязанность, отбываемую согласно с установленными правилами в определенные сроки, исполнение которой само по себе есть похвальное дело, причем чувство верующего не имеет с ним ничего общего» (Ван ден Берг, 2006. С. 37). Наконец, относительно канонического права сошлемся на позицию А. С. Смыкалина, по мнению которого «каноническому (церковному) праву присущ характер принудительности, но меры принуждения, применяемые церковной властью, решительно отличаются от тех, которые используются государственной властью. Церковь не уполномочена своим Основателем принуждать физически, опираясь на материальную силу, что может позволить себе

государство. Другая важная особенность церковных санкций – то, что даже самые тяжкие из них применяются не только ради поддержания церковного порядка, но и ради духовной пользы самого нарушителя законов» (Смыкалин, 2019. С. 9). Как можно увидеть, во всех приведенных подходах относительно разных религиозно-правовых порядков прослеживаются как сходство религиозных правовых систем с позитивным правом, так и их различия.

Рассмотрим теперь как с учетом рассуждений об обычно-правовой, корпоративно-правовой и каноническо-правовой ответственности соотносить с юридической ответственностью. Юридическая ответственность в традиционной ее трактовке ограничена рамками позитивного права. Поэтому она должна рассматриваться как позитивно-правовой феномен. Однако некоторые авторы предлагают разграничивать юридическую ответственность как явление позитивного права и правовую ответственность. Н. В. Витрук, отталкиваясь от разделения понятий права и закона, утверждает, что правовая ответственность – это ответственность, устанавливаемая в соответствии с требованиями идеального (естественного) права, его ценностей, наиболее тесно связана с принципами свободы, справедливости и равенства и лежит в основе юридической ответственности (Витрук, 2009. С. 26). Хотя здесь, думается, речь в большей степени следует вести о реально существующем явлении и об идеальном представлении о нем. Вопрос же о соотношении понятий «юридическая ответственность» и «правовая ответственность» заслуживает своего более подробного рассмотрения.

Как видим, некоторые основания для разграничения понятий «юридическая ответственность» и «правовая ответственность» появляются сразу же как только мы отходим от парадигмы юридического позитивизма. В недавнее время появились исследования, исходящие несколько из иной концепции соотношения содержания понятий «закон» и «право» (Сорокин, 2007). С этой точки зрения моральная ответственность, опираю-

щаяся на традиционную нравственность русского народа, обозначаемую символом правды, входит, наряду с позитивно-правовой и канонически-правовой ответственностью, в собирательное понятие правовой ответственности. Думается однако, что необходимо выделить из видов социальной ответственности те, которые ближе всего тяготеют к *позитивно-правовой ответственности, которую можно также называть юридической ответственностью в собственном смысле слова.*

За основу возьмем наименования базовых регуляторов. Вряд ли будет приемлемо употреблять термин «моральное право», здесь скорее можно говорить «нормы морали». Такие же сочетания, как «обычное право», «корпоративное право», «каноническое право», «мусульманское право», «иудейское право», «индусское право», часто встречаются в современной юридической литературе. *Соответственно, можно поставить вопрос о признании обычно-правовой, корпоративно-правовой и религиозно-правовой ответственности не просто разновидностями социальной ответственности, а существующими, наряду с юридической, видами правовой ответственности.*

Все зависит от правопонимания, от того, что следует считать правом. Содержание термина «право» на сегодняшний день далеко не исчерпывается юридуко-позитивистской его трактовкой (Сорокин, 2007. С. 23–72). В ряде источников выделяется порядка 26-ти школ правопонимания (Лазарев, 2006. С. 308–460). Юридуко-позитивистский подход во многих современных работах подвергнут обстоятельной критике (Синюков, 2010). Немаловажно, что и юридуко-позитивистская трактовка права, не признавая обычай, например, формально-юридуческим источником права, рассматривала его таковым в материально-правовом смысле: многие позитивно-правовые памятники (Русская Правда, Законы 12-ти Таблиц, Салический закон, Судебник Хаммурапи и др.) представляли собой не что иное, как свод обычного права, получившего государственную защиту. В современном уголовном праве России,

например, невозможно применить положения п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство по мотиву кровной мести) без обращения к обычному праву. Аналогичным образом и нормы корпоративного или религиозного права могут получать государственную защиту, выступать первоисточниками норм позитивного права. Исходя из этого можно сделать вывод, что не существует непроходимой пропасти между позитивно-правовой, обычно-правовой, корпоративно-правовой и религиозно-правовой ответственностью.

Если рассматривать обычное право, корпоративное право, религиозное право и позитивное право не с точки зрения поиска различий, а с точки зрения выделения общих черт между ними, а также делать акцент на отличиях соответствующих им видов ответственности от моральной ответственности, то неслучайным, на наш взгляд, выступает здесь употребление в каждом из этих феноменов термина «право», который не просто представляет собой омоним, как фигуру русского языка, а характеризует наличие содержательной и генетической общности этих регуляторов. Безусловно, по субъекту они различаются, но этот субъект (устанавливающий и применяющий ответственность) всегда конкретен. Содержание мер ответственности также отличается, но не исключены и аналогии, например, между церковной епитимией и некоторыми мерами юридической ответственности. Кроме того, для всех четырех ответственностей характерен значительный аспект формальной определенности, который заключается в том, что религиозные и корпоративные нормы, а в ряде случаев и обычаи, носят писанный характер и зафиксированы в определенных источниках.

Встает вопрос по поводу такой сущностной черты позитивного права как общеобязательность, которая не характерна для других регуляторов. Однако общеобязательность позитивного права также не универсальна, она носит формальный характер: право провозглашается общеобязательным, но на деле оно может таковым и не быть при конфликте с другими регуляторами,

при невосприятии его населением и при недееспособности субъекта, его установившего. Поэтому по факту получается, что общеобязательность позитивного права напрямую связана с возможностями установившего его субъекта и с правосознанием населения, и тем самым она практически уравнивается с силой обычного, религиозного и корпоративного права, обязательность которых, как известно, не всеобща, а касается четко обозначенных социальных общностей.

Таким образом, совокупность видов ответственности, базовые регуляторы которых содержат в названии термин «право», может быть названа общим понятием «правовая ответственность». Юридическая ответственность в собственном смысле слова (или позитивно-правовая ответственность) может

рассматриваться как одна из разновидностей правовой ответственности. Под правовой ответственностью следует понимать ответственность, предусмотренную позитивным правом, корпоративным правом, религиозным правом и обычным правом, имеющую определенного субъекта, устанавливающего ответственность и применяющего меры ответственности, определенный круг лиц, на которых распространяются меры этой ответственности, формально определенную в писанных (за редким исключением, неписанных, но общеизвестных) источниках. Юридическая ответственность в этом случае выступает разновидностью правовой ответственности, предусмотренной позитивным правом, установленной и применяемой государством.

Список источников / References

- Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению Абу Ханифы и Шафии. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. 237 с.
Van den Berg L.V.S. (2006) Basic principles of Islamic law according to the teachings of Abu Hanifa and Shafi'i. Moscow: Natalis: Ripol Klassik, 237 p. (In Russ.).
- Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. 431 с.
Vitruk N. V. (2009) General theory of legal liability. Moscow: Norma. 431 p. (In Russ.).
- Лазарев В. В. История государственно-правовых учений. М.: Спарк, 2006. 670 с.
Lazarev V. V. (2006) History of state-legal doctrines. Moscow: Spark, 670 p. (In Russ.).
- Каноны, или Книга Правил, Святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отцов. СПб.: «Общество св. Василия Великого», 2000. 431 с.
Canons, or the Book of Rules, of the Holy Apostles, Holy Councils, Ecumenical and Local, and Holy Fathers (2000). St. Petersburg: "Society of St. Basil the Great". 431 p. (In Russ.).
- Ковлер А. И. Антропология права. М.: Норма, 2002. 467 с.
Kovler A. I. (2002) Anthropology of law. Moscow: Norma. 467 p. (In Russ.).
- Кондрашов В. А. Новейший философский словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 668 с.
Kondrashov V. A. (2008) The latest philosophical dictionary. Rostov n/D.: Feniks. 668 p. (In Russ.).
- Конфуций. (2011) Изречения. Книга песен и гимнов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 399 с.
Konfutsii. (2011) Sayings. Book of songs and hymns. Moscow: AST: Astrel'. 399 p. (In Russ.).
- Крашенинникова Н. А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 303 с.
Krasheninnikova N. A. (2013) Legal Culture of Modern India: Innovative and Traditional Features. Moscow: Norma: Infra-M. 303 p. (In Russ.).
- Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 510 с.
Matuzov N. I. (2003) Actual problems of the theory of law. Saratov: SGAP. 510 p. (In Russ.).
- Малько А. В. Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 271 с.
Mal'ko A. V. (2014) Punishment and responsibility in Russian law: actual problems: monograph. Moscow: Yurlitinform. 271 p. (In Russ.).
- Никитина Л. М. Корпоративная социальная ответственность. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
Nikitina L. M. (2015) Corporate social responsibility. Rostov n/D: Feniks. 445 p. (In Russ.).
- Степин В. С. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. 692 с.
Stepin V. S. (2010) New Philosophical Encyclopedia. Moscow: Mysl'. 692 p. (In Russ.).
- Пантыкина М. И. Теоретико-методологические основания философского исследования юридической ответственности // Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический и межотраслевой аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 595 с.

Pantykina M. I. (2017) Theoretical and methodological foundations of the philosophical study of legal responsibility. *Yuridicheskaya otvetstvennost': filosofskii, sotsiologicheskii, psikhologicheskii i mezhotraslevoi aspekty: monografiya = Legal responsibility: philosophical, sociological, psychological and cross-industry aspects: monograph*. Moscow: Yurlitinform. 595 p. (In Russ.).

Родионова Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2011. 146 с.

Rodionova E. V. (2011) Legal responsibility as a kind of social responsibility: modern problems. Moscow: Yurlitinform. 146 p. (In Russ.).

Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 672 с.
Sinyukov V. N. (2010) Russian legal system. Introduction to General Theory. Moscow: Norma. 672 p. (In Russ.).

Синха С. П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М.: Академия, 1996. 302 с.

Sinkha S. P. (1996) Jurisprudence. Philosophy of law. Short Course. Moscow: Akademiya. 302 p. (In Russ.).

Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI–XXI вв.). М.: Проспект; Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. 394 с.

Smykalin A. S. (2019) Canon law (on the example of the Russian Orthodox Church of the XI–XXI centuries). Moscow: Prospekt; Ekaterinburg: UrGYuU. 394 p. (In Russ.).

Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография. М.: Проспект, 2007. 479 с.

Sorokin V. V. (2007) The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia: a monograph. Moscow: Prospekt. 479 p. (In Russ.).

Сорокин В. В. Юридическая ответственность: духовно-нравственный подход: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 159 с.

Sorokin V. V. (2018) Legal responsibility: spiritual and moral approach: monograph. Moscow: Yurlitinform. 159 p. (In Russ.).

Розенталь М. М., Юдина П. Ф. Философский словарь. М.: Политиздат, 1968. 544 с.

Rozental' M. M., Yudina P. F. (1968) Philosophical Dictionary. Moscow: Politizdat. 544 p. (In Russ.).

Хачатуров Р. Л. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. 934 с.

Khachaturov R. L. (2007) General theory of legal responsibility: monograph. Saint Petersburg: "Yuridicheskii tsentr "Press". 934 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Егор Алексеевич Куликов,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет,
656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61,
Российская Федерация,
kulikoveg@yandex.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022;
принята к публикации 06.12.2022.

Information about author

Egor A. Kulikov,
Cand. Sci. (Juridical Sciences),
Associate Professor of Criminal
Law and Criminology Department,
Altai State University,
61 Lenin Avenue, 656049 Barnaul,
Russian Federation,
kulikoveg@yandex.ru

Contribution of the author

The author carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Information about the article

The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 25.11.2022;
accepted for publication 06.12.2022.